

Аве Марина

Где он, Серебряный чародей?
Только мелькнула пята его.
Я обронила даму червей,
Он обронил Цветаеву...

Будто на старом половике,
Выцвели, стёрлись цвета его.
А на верёвочном пояске
Красная нить – Цветаева...

Где он, Серебряный, роковой?
Намертво сжаты уста его.
Кто вы такие, – шумит прибой, –
Чтобы судить Цветаеву?

Где он, Серебряный этот век?
Канули в Лету лета его?
Аве, – луна замедляет бег,
Чтобы по строчкам любимых рек
Перечитать Цветаеву.

Ты знаешь, Нижний стоит мессы,
как возвращения – гнездовье.
Я полюбила эту местность,
как птица, первую любовью.

Я отыскала первослово
у стен Макарьевского храма,
я полюбила этот говор
(он до сих пор остался с мамой).

Там бродит время тихой сапой,
и молоко в подойник брызжет,
там живы дедушка и папа,
и тётя Настя с дядей Гришей.

Они идут из комнат, с лестниц,
глядят с портретов, не мигая,
они поют, и в этой песне
Ланцов из замка убегает.

Глухою керженской тропую
они уходят без оглядки,
оставив мне нести с собою
их вздохи, письма и тетрадки.

Всё глубже след и тень длиннее,
пишу в анкетах: *город Горький*
и не могу уйти с линейки
у обелиска на пригорке.

Чистополь

В этих мальвах – отголоски
Колоколен давних пор.
Но опять собор Никольский
Водит с Камой разговор.

Друг за дружкой ходят скверы
Вдоль купеческих домов.
От тюрьмы, считай, до веры –
Три слезы и пять шагов.

Красный дом. Диванчик узкий.
И – торжественность перил.
Здесь Шекспир на чистом русском
При свече заговорил.

Здесь восток шлифует время,
А оно – твои слова.

Всё до буковки в поэме
Перемелют жернова.

День бросается листками
И рябиною дождит.
Пастернак не отпускает,
Возвращайся, говорит.

Осенняя элегия

Вышел я родом из леса,
из-под пера топора.
Чувствую тяжесть железа, –
так в ожиданье пореза
отвердевает кора

и раскрываются поры
свет предпоследний приять.
Солнце косога пробора,
прямолинейность укора,
страха невнятная прядь.

Я сокращён до предела,
сжат до астрального тела,
я на прожилках распят.
В час, как рябина зардела,
небо уходит назад.

Даром сбиваются в стаи
братья мои, отлетая,
даром дрожат на ветру, –
каждого перелистает
та, что красна на миру.

Что там осталось? Полешки,
в беличьих дуплах орешки,
исповедь кроткой воды
и у рождественской вешки
окрик зелёной звезды.

* * *

Блаженная мати Матрона,
В платочек упрятав чело,
Сидит за тетрадкой влюблённо,
Не видя вокруг ничего.

Февраль застегнётся – и выйдет,
А март распахнёт облака, –
Она ничего не увидит
В содружестве стен-потолка.

Но что там, на донышке глаза,
Ни ты не ответишь, ни я.
Ползут по стене метастазы,
И блюда в серванте звенят.

Окликнет чужое пространство,
Накроет её с головой, –
Испуганной птицей прекрасной
Ложится она на крыло.

Ах, мама, не дай им ответа,
Не верь чужеземцам, не верь, –
Уже вышивает на ветках
Пасхальницу новый апрель.

И будет яичко к обеду,
Кулич и тепла благодать.
А я непременно приеду...
Чтоб вскоре уехать опять.

Я верю: всё будет в порядке,
Как прежде, от сих и до сих,
Пока ты рисуешь в тетрадке
Молитвы о чадах своих.

Десятое лето

Казалось, в жизни не предашь
привычку, умницу, натуру,
однако я свой карандаш
сменила на клавиатуру.

Я поменяла города,
работу, имя и пространство,
в котором красная звезда
была как символ постоянства.

Когда же – «трижды жди меня» –
обещанное рассмеялось,
я не убавила ни дня:
подумаешь, какая малость

меж вечным именем жены
и безымянностью на пальце, –
когда ромашки так юны,
а я древней неандертальца;

когда ржаные корабли
плывут в полях моей эклоги,
и я – дитя сырой земли,
она мои целует ноги.

О, этот дождь, о, этот гром,
и золотая круглость сена,

и пережат весёлой пены
у теплохода за бортом;

Луны смешная воркотня,
четвёртый спас, таённость пенья,
и жизнь простая, как репейник, –
всё это я.
Люби меня.

Пушкин

Вольной русской речи
Катится река.
Александр Сергеич,
Я – издалека.

Знаю из рассказов,
Писем и картин:
Вы – голубоглазый
Смуглый господин.

Воспеватель воли
И дитя до слёз
В русом ореоле
Вьющихся волос.

Пишут, что не шибко
Рослый – пять вершков.
Но хронист ошибся:
Вы на сто голов

Выше даже века,
Смявшего звезду...
Вот сирени ветка,
Как у Вас в саду.

Стало быть, пригожий
Этот райский сад
Оказался горше,
Чем Дантесов ад.

Не сломала срока
Магия камней:
Подчинились року
Ваши семь перстней.

Там, от Чёрной речки,
Обжигая лёд,
Вольной русской речи
В жилах кровь течёт.